

От редакции

Усвоение языка — процесс невероятно сложный. Чтобы организовать это усвоение оптимальным образом, мало знать структуру изучаемого языка (даже в ее отношении к структуре родного) и иметь в своем распоряжении набор обиходных приемов. Необходимо, во-первых, иметь определенную концепцию процесса речи — безотносительно к тому, будет ли эта речь на родном или неродном языке, т. е. понимать и учитывать всю систему факторов, обуславливающих понимание или производство (воспроизводство) речевого высказывания; во-вторых, четко представлять себе психологическую сущность процессов, происходящих в мозгу учащих при усвоении ими иностранного языка, или, точнее, при овладении умением выразить свою мысль средствами иностранного языка.

Обе стороны вопроса тесно взаимосвязаны, но логически первична первая сторона: в конечном счете, всякое усвоение неродного языка предполагает, как говорил проф. И. А. Бодуэн де Куртене, «осознание бессознательных языковых процессов». И естественно, что для теории обучения языку и ее детша — методики, очень полезна всякая работа, где делается попытка раскрыть механизм возникновения и осуществления этих языковых процессов, изучить и представить в виде цельной и непротиворечивой системы все множество закономерностей и случайностей, определяющих протекание речевой деятельности.

Такой работой и является предлагаемая статья трех чешских ученых, один из которых, Л. Долежел, широко известен и за пределами Чехословакии как видный специалист в области общего и славянского языкознания. Авторы едва ли не впервые в современной науке стремятся охватить речевую деятельность с различных ее сторон, объединив в один «узел» собственно лингвистический, социолингвистический и психолингвистический подходы. В этом отношении статья Л. Долежеля, И. Крауса и Я. Пруха находится в русле наиболее прогрессивных научных тенденций современности.

Из этих соображений мы и решили опубликовать статью в нашем журнале, хотя она не посвящена непосредственно проблемам обучения русскому языку. Не со всеми ее положениями мы можем полностью согласиться; вероятно, в ней найдутся места, трудные для читателя, ранее не интересовавшегося данными вопросами. Но эта статья проблемная, и она одновременно сообщает читателю много полезной информации и ставит перед ним новые вопросы, которые частично получают ответ, а частично остаются открытыми, что вполне естественно.

К НЕКОТОРЫМ ПРОБЛЕМАМ МОДЕЛЕЙ ЯЗЫКОВОЙ КОММУНИКАЦИИ¹

Л. ДОЛЕЖЕЛ, И. КРАУС, Я. ПРУХА

Дается общий обзор моделей языковой коммуникации с точки зрения индивидуальной речевой деятельности и социальной коммуникации. Подчеркивается, что языковая коммуникация — явление комплексное и дифференцированное, так что нельзя ее охарактеризовать при помощи моделей только одной науки (лингвистики).

1. ОБЩИЙ ХАРАКТЕР ТЕОРИИ ЯЗЫКОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

В современной теории языковой коммуникации принята без существенных изменений общая схема процесса коммуникации, созданная Шенноном [1] и более подробно разработанная Харкевичем [2] и Мейер-Эпплером [3]. Позднее процесс коммуникации был уточнен путем изучения и моделирования его составных частей. Специфика этих частей процесса коммуникации относительно других особенностей коммуникации и вместе с тем их взаимная дифференциро-

¹ В основе настоящей статьи лежит работа: L. Doležel, J. Kraus, J. Průcha. K modelům jazykové komunikace. «Kybernetika», 1966, N. 2, стр. 448—456.

ванность вытекают из характера этого процесса как явления комплексного. Он имеет несколько качественно дифференцированных сторон: а) собственно лингвистическую (фонологическую, грамматическую и стилистическую), предметом которой является естественный язык как код специфической структуры и языковые сообщения как особые структуризации этого кода; б) фонетическую, физическую и акустическую (устная речь как последовательность звуковых волн); в) неврофизиологическую (речь как функционирование артикуляционного и фонационного аппарата и речевого механизма мозга); г) психологическую (речь как проявление поведения личности); д) социологическую (язык как средство социального взаимодействия).

Из комплексности явления вытекает ясное требование: изучение языковой коммуникации не может быть основано исключительно на моделях одной науки, например лингвистики, оно должно проводиться комплексно, путем сотрудничества всех наук, в предмет которых входят отдельные части этого явления².

Наряду с фактом, что изучение языковой коммуникации имеет комплексный, интердисциплинарный характер, надо подчеркнуть еще следующую черту: языковая коммуникация является только одной реализацией многочисленных семиологических процессов, которые имеют кроме своих специфических черт еще общие свойства. Общими свойствами семиологических процессов и знаковых систем занимается общая наука — семиотика [5]. Она, так же как и кибернетика, является теоретической основой для изучения коммуникации при помощи разных семиотических систем, в том числе для изучения языковой коммуникации [6, 7].

Языковой коммуникацией мы называем процесс общения, при котором перенос ин-

формации осуществляется при помощи естественного языка. В этот процесс могут быть включены два типа участников коммуникации; на основе этого можно различить системы: а) общественную (типа: человек — человек); б) общественно-техническую (типа: человек — машина).

Языковая коммуникация в более узком смысле может быть охарактеризована как процесс общения между однородными участниками коммуникации (коммуникантами) (тип а), т. е. как общественная коммуникативная система. Эту систему можно схематически изобразить как сеть, созданную всеми коммуникативными отношениями индивидуальных коммуникантов или классов коммуникантов [6, 7, 8, 9, 10]. Под углом зрения этой общественной коммуникативной системы можно выделить в теории языковой коммуникации две главные области: 1) изучение языковой коммуникации как речевой деятельности индивидуального коммуниканта — модели индивидуальной речевой деятельности; 2) изучение языковой коммуникации как функционирования отдельных коммуникативных актов в пределах общественной коммуникативной сети — модели социальной коммуникации.

Настоящая статья касается моделей языковой коммуникации — моделей индивидуальной речевой деятельности и моделей социальной коммуникации. В ней будут, однако, не анализироваться конкретные модели, а скорее подытоживаться и обобщаться результаты, достигнутые в обеих областях изучения языковой коммуникации. Так как статья имеет общий характер, мы не будем заниматься всей совокупностью проблем, которые возникают при изучении (например, техническим аппаратом моделей), но будем уделять внимание психологическому и социологическому аспекту языковой коммуникации.

О моделировании в области общественных наук в нашем случае в языкознании можно говорить только на определенной степени абстрагирования от реальных ситуаций, т. е. при определенной идеализации предмета анализа. Односторонность языковых моделей можно, на наш взгляд, преодолеть только комплексным подходом к языку как объекту, созданному индивидуальными психофизиологическими чертами говорящего и адресата и системой общественных отношений, в которых язык функционирует. Так как этот общий подход касается большого количества научных дисциплин, аппарат которых не дает до

² Это требование в наше время отчасти выполнено. Сравните отношения грамматического и стилистического аспекта, лингвистического и фонетического, основывающиеся сейчас отношения грамматико-стилистического и психологического аспекта, грамматико-стилистического и социологического [4]; наоборот, отсутствует какая бы то ни было связь с аспектом неврофизиологическим. Однако необходимо иметь в виду, что детальное изучение языковой коммуникации не требует связи всех, но только некоторых аспектов. В зависимости от того, какой аспект доминирует в изучении языковой коммуникации, можно говорить, как будет видно дальше, о лингвистических, психологических и социологических (психолингвистических и социолингвистических) моделях языковой коммуникации.

сих пор возможности разрабатывать абстрактные модели в логически-дедуктивном смысле, мы будем здесь слово «модель» понимать просто как систему, свойства которой находятся в однозначно определенном отношении к свойствам изучаемого объекта; конструирование и изучение подобной модели помогают лучшему познанию такого объекта [11]. Вместе с этим мы оставим в стороне оценку моделей с точки зрения формального аппарата (алгебраического, логического и статистического), хотя мы думаем, что при моделировании разных аспектов языковой коммуникации не все модели одинаково адекватны. Вместе с этим мы должны иметь в виду, что точному определению понятия «модель» препятствует невыполнение некоторых предпосылок: а) логический анализ предметной области, т. е. лингвистических, психологических и социологических или других отношений; б) логико-лингвистический анализ единой терминологии (некоторых понятий) областей, в которых модель применяется; в) формальное определение элементарных единиц анализа; г) формализация понятия «значение».

Несмотря на эти препятствия и вытекающие из них неточности, особенно в применении математического аппарата, лингвистическое моделирование оказывается полезным, особенно если результаты частных исследований представляют надежную основу дальнейшего анализа.

II. МОДЕЛИ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Изучением языкового поведения индивидуальных коммуникантов занимается лингвистика и психолингвистика. Теорией лингвистических моделей языковой коммуникации особенно много занимались в последнее время Хомский и его школа [12, 13, 14, 15, 16, 17, 18]. По их концепции, на лингвистическом этапе языковой коммуникации постулируются три части: 1) теория языковых способностей коммуникантов (linguistic competence); 2) теория пользования языком коммуникантами (linguistic performance); 3) теория овладения языком коммуникантами (linguistic acquisition).

Языковая коммуникация здесь понимается как процесс, в котором коммуникант пользуется своим лингвистическим механизмом для кодирования и декодирования языковых сообщений. Этот механизм

моделируется так называемым лингвистическим описанием (linguistic description), которым является определенная порождающая система (в терминах названных авторов это порождающая грамматика Хомского). Схема описания языка состоит из трех частей: синтаксической, семантической и фонологической. Синтаксическая часть имеет порождающую силу и порождает цепочки чисто формальных элементов, так называемых формативов. Семантическая часть проводит семантическую интерпретацию этих цепочек, фонологическая часть дает им звуковую интерпретацию [18].

Предполагается, что модель является изображением структуры языкового механизма, которым владеет коммуникант, т. е. изображением структуры его знаний о грамматике языка, но она не объясняет функционирование этого механизма, не является моделью речевой деятельности. Порождающая модель характеризует только одну часть целостной модели языковой коммуникации, а именно: языковой код. Она, однако, по-видимому, не способна достичь такого обобщения, чтобы при ее помощи было можно описать и объяснить все аспекты языковой коммуникации.

С порождающей моделью языковых способностей связаны две сферы проблем: 1) отношение моделей языковых способностей к модели пользования языком коммуникантами. По мысли ее авторов, модель языковых способностей не объясняет функционирование этих способностей в реальном процессе коммуникации. Вместе с этим постулируется требование, что эта модель должна быть основным компонентом модели носителя языка; 2) отношение модели говорящего к модели слушающего.

Меньше всего разработана вторая сфера проблем. В теории порождающей грамматики (ПГ) предполагается, что модель функционирования языковых способностей, включающая в себя ПГ как существенную составную часть, может служить моделью говорящего и слушающего, т. е. что операции кодирования и декодирования являются только определенным зеркальным отображением друг друга³.

Что касается первой сферы проблем, отношение обеих моделей не удалось до сих пор теоретически объяснить. Можно только

³ Однако в последнее время Миллер, один из защитников этого предположения, указывает на отличия на некоторых уровнях кодирования и декодирования языковых сообщений [19].

говорить о стремлении внедрить ПГ в модель носителя языка. Мало значения имеют упрощающие взгляды, которые отождествляют ПГ с теорией языкового поведения коммуникантов, т. е. с теорией порождения и понимания отдельных высказываний⁴. В самой теории ПГ в настоящее время очень настоятельно изучаются свойства, которые характерны для предложений, порождаемых ПГ как частью модели носителя языка. Это касается особенно допустимости (acceptability) как свойства высказываний и грамматичности как свойства предложений и их взаимоотношения. Как позднее показал Хомский [12], изучение этих свойств дает нам некоторые новые сведения о человеческой памяти, о которой предполагается, что она имеет конечный характер, хотя это предположение не избавляет нас от необходимости изучать структуру и характер процессов памяти, имеющих место при языковой коммуникации. С другой стороны, особенно важны результаты тех исследований языкового поведения, в которых подтверждается, что некоторые свойства ПГ имеют точку опоры в определенных психологических операциях, которые происходят у носителя языка, например, при сопоставлении (matching) высказываний⁵.

Если бы удалось расширить эти исследования еще в большей мере, они ознаменовали бы важный шаг к внедрению ПГ в модель носителя языка. По гипотезе Миллера все предложения, которые говорящий кодирует или слушатель декодирует, находятся в памяти только как ядерные предложения. Если говорящий намеревается произнести, например, отрицательное предложение или вопрос, то сначала он создает ядерную конструкцию и потом при помощи трансформационных правил образует предложение необходимой формы. Эта гипотеза была проверена Миллером [17, 21], Коулменом [22] и другими авторами, которые стремились доказать ее удобность и для

модели слушателя: на основе полученных экспериментальных данных можно сделать вывод, что когда слушатель декодирует какое бы то ни было предложение, он должен пользоваться трансформационными правилами для трансформации данного предложения в ядерное. Чем больше трансформационных правил, тем больше времени необходимо для понимания предложения слушателем.

С другой стороны, были проведены и такие эксперименты [23], результаты которых не подтверждают предположения Миллера и др. о роли трансформационной грамматики в языковом кодировании и декодировании. Некоторые авторы [24], например, доказывают, что время, необходимое для порождения предположений определенных типов (со страдательными или отрицательными конструкциями и т. п.), не является функцией от степени их трансформационной сложности, но обусловлено интенсивностью навыков отдельных говорящих. Во всяком случае не подлежит сомнению факт, что в процессе кодирования и декодирования предложений наряду с трансформационными операциями действуют еще факторы другого рода, особенно такие, которые вытекают из свойств памяти и других частей речевого механизма. До сих пор особенно много изучалось влияние так называемой глубины предложения (по гипотезе Ингве [25], соотносящейся с так называемыми ограничениями непосредственной памяти: непосредственная память конечна и ее размер не превышает 7 ± 2 единицы). Влияние глубины предложения при кодировании и декодировании было проверено уже для нескольких языков разных типов (английский, турецкий, венгерский и др.), в том числе для русского [26], и гипотеза Ингве подтвердилась. Кроме того, некоторые авторы доказывают, что при декодировании предложений (измеряемом в параметрах запоминания) не играет роли трансформационный тип предложения; если глубина и длина предложения определены, то влияние типа трансформаций на запоминание маловажно.

Благодаря совместным работам Хомского и Миллера, можно предположить, что модель говорящего должна содержать: 1) память, в которой находятся правила описания языка; 2) порождающую способность, которая делает возможной продукцию высказываний; 3) особый механизм для сопоставления высказываний, создаваемых в модели говорящего, с предложе-

⁴ Эти стремления, настоятельно отвергаемые Хомским, можно до сих пор найти у некоторых лингвистов и особенно психологов. В работах Миллера, Галантера, Прибрама [20], например, последовательность отдельных этапов кодирования отождествлена с деривацией предложения по ПГ.

⁵ Сравните, например, данные Миллера [21], что время, необходимое для сопоставления двух высказываний, отличающихся друг от друга только своей «деривационной историей», является функцией количества трансформационных правил, по которым эти «истории» отличаются.

ниями, порождаемыми в схеме описания языка; 4) селектор, т. е. способность выбора оптимального варианта.

Одним из существенных различий между схемой описания языка и схемой говорящего является включение селектора. Между тем как описание языка может обойтись без селектора, в модели говорящего селективный компонент необходим, так как модель говорящего действует при влиянии внеязыковых факторов коммуникации, которые ведут к выбору оптимального варианта из разных множеств альтернатив языковых единиц.

Модель говорящего должна содержать минимально следующие блоки: а) блок наименования; б) блок отношений между единицами (грамматического синтеза); в) блок стилистического выбора, проводящий выбор из множества альтернатив между лексическими и синтаксическими конструкциями; г) блок реализации, который сопоставляет кодируемым высказываниям материальное оформление (звуковое или графическое).

Психологические (психолингвистические) модели языковой коммуникации являются в большой мере моделями носителя языка или — по приведенному выше разделению Хомского — они сосредоточиваются на так называемых *linguistic performance*. Из этого вытекает и специфический теоретический исходный пункт (психологическое и психофизиологическое изучение языкового поведения) этих моделей. Для моделей носителя языка важны психологические и физиологические параметры коммуникантов, внеязыковые условия сообщения и другие ограничения, существующие при реальной языковой коммуникации. Это и является характерной чертой модели Осгуда [27], которая понимается как последовательность операций, при помощи которых из слов-лексем создаются высказывания. Модель отличается двумя важными свойствами.

1. Предполагается, что вероятностные ограничения действуют [имея в виду схему (дерево) деривации высказываний от символа *S* к цепочкам конкретных, синтаксически и семантически организованных слов] не только на уровне терминальных символов, но и на уровне нетерминальных символов, так что, например, терминальный символ фразы высказывания оказывает двоякое вероятностное ограничение: или ограничения, налагаемые предыдущими терминальными символами (по Осгуду, в так называемой постепенной ие-

рархии зависимостей), или ограничения, налагаемые на терминальные символы более высокими уровнями (в так называемой одновременной иерархии зависимостей). Имеются в виду всегда только вероятностные зависимости в направлении «слева направо». На той же самой предпосылке основана и модель слушателя, созданная Хоккеттом [28], и многие другие концепции кодирования и декодирования.

2. Вторым существенным свойством модели Осгуда является включение так называемой непосредственной памяти, что делает возможным преодоление главного недостатка марковской модели, которая состоит в том, что устанавливается вероятностная зависимость между соседними словами, между которыми не существуют непосредственные структурные (синтагматические) отношения.

Возражая против одностороннего отрицания так называемой марковской модели носителя языка, Осгуд говорит, что критика Хомского исходит из того, что можно назвать *unilevel fallacy* и *decision fallacy* [27] (стр. 742); Хомский молчаливо предполагает, что стохастические процессы действуют только на уровне слов. Такого ограничения в марковской модели нет. Вторая ошибка Хомского состоит, по Осгуду, в том, что в ПГ не сформулированы правила выбора, хотя иногда признаются не определенные ближе так называемые *optional rules*⁶. Дело касается двух различных вещей: для ПГ иррелевантны психологические и физиологические свойства носителя языка, внеязыковые условия сообщения, физические свойства языковых сигналов и другие ограничения, существующие в реальном языковом поведении; для модели носителя языка, наоборот, все эти свойства более или менее важны.

Что касается второго возражения Осгуда, то иногда признается, что правила ПГ не имеют детерминистического характера, так как часто делают возможным выбор продолжения. Нет спора о том, что ПГ допускает, например, выбор между альтернативами, как это отражается в правилах типа $A \rightarrow \begin{matrix} B \\ C \end{matrix}$; это, конечно, не значит, что ПГ содержит еще правила селекции. В ПГ эта проблема решается формально без учета условий сообщения и оптимального решения.

⁶ Сравните, однако, недавнее изложение Хомским [12] правил селекции в ПГ.

К модели Огуда было бы возможно добавить результаты многочисленных психолингвистических исследований [29], посвященных различению семантической и синтаксической части контекстных ограничений [30], и основанную на этих исследованиях модель перцепции слов [31]. Этим мы, однако, вышли бы за рамки настоящей статьи, которые не позволяют нам и упомянуть другие психолингвистические модели, имеющие, без сомнения, большое значение для теории языковой коммуникации, особенно модели психологические, невропсихологические и неврофизиологические.

III. МОДЕЛИ СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Понимание общественной функции процесса коммуникации требует различать на фоне структуры общественных отношений (существующих независимо от сознания людей) те связи, которые основаны на взаимном осознании существования других индивидов (и коллективов) и на отношении языковой коммуникации. Множество актов сообщения, связанное однородными функциями, мы будем называть коммуникативной сферой. С точки зрения переноса информации можно различать коммуникативные сферы одноступенчатые, в которых существует непосредственное взаимное отношение между всеми участниками, и коммуникативные сферы многоступенчатые, для которых характерна опосредствованность сообщаемой информации и вставка дополнительных членов между автором и адресатом сообщения. Предметом лингвистического (и с других точек зрения также социологического) исследования являются прежде всего те коммуникативные сферы, в которых связи между участниками не являются случайными, а достигают более высоких частот, так как сообщения в коммуникативной сфере создают относительно замкнутую систему. Совокупность всех коммуникативных сфер представляет коммуникативную сеть данной общественной организации [32].

Для наглядности изображения циркуляции общественно значимой информации мы будем пользоваться введенным польским логиком Т. Греневским [33] понятием «относительно замкнутая система», т. е. система, которая характеризуется следующими овойствами: 1) другие части космоса влияют на данную систему, но воздействие происходит исключительно по определенным путям, которые называются «вводами» системы;

2) система влияет на остальной космос, но воздействие проходит также только по определенным путям, называемым «выводами» системы.

Мы будем считать каждую коммуникативную сферу относительно замкнутой системой, деятельность которой регулируется посредством информации, которая переходит от «выше» расположенных участников коммуникации к «нижнему» и наоборот. Активность системы начинается при неравномерном разложении информации и кончается достижением равномерного состояния, которое продолжается до тех пор, пока не появится новый информационный стимул. Поэтому целесообразно различать первичную информацию (стимулирующую информационный цикл) и вторичную информацию, которая сигнализирует о понимании первичных сообщений всеми участниками коммуникации. Сопротивление теории коммуникативных сфер с теорией относительно замкнутых систем Греневского позволяет использовать результаты кибернетики для создания общей теории языковой коммуникации. Различение первичной и вторичной информации мы считаем соответствующим автоматическому управлению машинами с помощью принципа обратной связи. Управляющий орган (регулятор) переносит информацию (последовательность сигналов) к управляемому объекту и вместе с этим измерительный элемент создает обратную связь и влияет по обратному пути на регулятор. Если эта деятельность повторяется, то мы говорим о кибернетической системе, которая моделирует технические, биологические, общественные и другие системы. Циркуляция информации, как и другие свойства системы, направлена к гомеостазу, к сохранению общественных, биологических или технических механизмов в их целесообразном существовании.

Основной лингвистической проблемой, вытекающей из этого сопоставления, является изучение отношения между типом коммуникативной сферы и совокупностью сообщений, которые в каналах данной сферы циркулируют. В этой связи надо установить, в какой степени отвечает каждой коммуникативной сфере совокупность средств языка, которую можно характеризовать общими качественными и количественными чертами. Если мы имеем в виду те коммуникативные сферы, которые представляют основную функциональную модификацию языковой коммуникации, то результатом исследования будет установле-

ние функциональных стилей, т. е. множество специфических характеристик языковых сообщений, циркулирующих в данных сферах. Эти характеристики могут быть внутренними, т. е. такими, которые являются результатом анализа самого текста, и внешними, которые изучаются методом психолингвистических исследований, анкет, вопросников и отражают воздействие текста на адресата [34, 35]. В случае анализа количественных характеристик в этой области преобладают статистические вероятностные модели, которые могут довольно верно отражать вариабельность количественных свойств текстов и подчеркивать значение оптимального подбора грамматических и лексических элементов для стилистики.

В теории коммуникативных сфер [7] были пока установлены следующие модификации: 1) сфера рекогноскативная — сфера переноса и обработки языковой коммуникации, которая служит описанию, познанию и объяснению действительности. Эта сфера включает также широкую проблематику теории массовой коммуникации, которой надо уделять больше внимания с лингвистической точки зрения; 2) сфера директивная, которая служит переносу и обработке языковых инструкций и сообщений, т. е. информации, посредством которой регулируется поведение индивидов и общественных коллективов; 3) сфера эстетическая; ею переносится языковая информация, которая соотносена с эстетическим отражением действительности; 4) сфера контактная, где языковые сообщения превращаются в формулы общественного контакта.

Дальнейшие критерии классификации коммуникативных сфер обусловлены влиянием стилевых факторов объективного и субъективного порядка. В теории стилевых факторов, разработанной в чешской стилистической литературе, среди субъективных факторов учитываются интеллектуальный уровень говорящего, его темперамент, характер, социальное происхождение и положение, личные качества, подход к теме и к

слушателю и др. Из объективных факторов мы упомянем функцию сообщения или иерархию этих функций, среду (публичную — непубличную), языковой материал (устный — письменный), связность сообщения (монолог — диалог), контакт с адресатом (личный — опосредствованный), степень подготовленности и т. д.

Таким образом, коммуникативные сферы отличаются:

1) по участникам коммуникации — общественные, общественно-технические;

2) по характеру отношения между участниками — одноступенчатые (говорящий — адресат) и многоступенчатые [говорящий — преобразователь (-и) — адресат];

3) по функциям сообщения — рекогноскативная, директивная, эстетическая, контактная;

4) по способу кодировки информации — естественный или искусственный язык;

5) по доминантности стилевого фактора.

С точки зрения различения стилей, функционирующих в отдельных сферах, важной задачей современной стилистики мы считаем описание переноса сообщений в социальных группах с безличными контактами [36], т. е. в многоступенчатых коммуникативных сферах, которые содержат на разных уровнях своей организации преобразователи информации разных видов. Преобразование может быть не только стилистической обработкой текста, но также существенным изменением (например, спецификацией директив или даже искажением, воздействующим на способ интерпретации сообщения). Важность лингвистического анализа сообщений в этих группах возрастает в соответствии с развитием современного общества, характеризующегося большими расстояниями между участниками коммуникации, общественным разделением труда, продвинутой специализацией отдельных областей общественной жизни, особенно если мы имеем в виду факт, что управление многочисленным коллективом возможно только благодаря совершенной системе коммуникации.

Литература

1. Shannon C. E., Weaver W. The Mathematical Theory of Communication. Urbana, 1949.— 2. Харкевич А. А. Очерки общей теории связи М., 1955.— 3. Meyer-Eppler W. Grundlagen und Anwendungen der Informationstheorie. Berlin — Göt-

tingen — Heidelberg, 1959.— 4. Ахманова О. С., Натан Л. Н., Полторацкий А. И., Фатющенко В. И. О принципах и методах лингвистического исследования. М., 1966.— 5. Approaches to Semiotics. Ed. T. A. Sebeok, A. S. Hayes, M. C. Ba-

teson. The Hague, 1964.—6. Doležel L. Kybernetika a jazykověda. Kybernetika ve společenských vědách. Praha, 1964, S. 267—280.—7. Долежел Л. Вероятностный подход к теории художественного стиля. Вопросы языкознания, 1962, № 2, стр. 19—29.—8. Doležel L. Ke vztahy kybernetiky a jazykovědy. Kybernetika a její využití. Praha, 1965, S. 291—295.—9. Doležel L. Zur statistischen Theorie der Dichtersprache. Mathematik und Dichtung. München, 1965, S. 275—293.—10. Doležel L. Lingvistické problémy řízení socialistické společnosti. Slovo a slovesnost, 1962, N. 4, S. 244—248.—11. Денисов П. Н. Принципы моделирования языка. М., 1965.—12. Chomsky N. Current Issues in Linguistic Theory. The Hague, 1964.—13. Chomsky N. Aspects of the Theory of Syntax. Cambridge, Mass, 1965.—14. Chomsky N., Miller G. A. Introduction in the Formal Analysis of Natural Languages. Handbook of Mathematical Psychology II. New York, 1963, p. 269—321.—15. Katz J. J., Postal P. M. An Integrated Theory of Linguistic Descriptions. Cambridge (Mass.), 1964.—16. Miller G. A., Chomsky N. Finitary Models of Language Users. Handbook of Mathematical Psychology II. New York, 1963, p. 419—491.—17. Miller G. A., Isard S. Some Perceptual Consequences of Linguistic Rules. Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior, 1963, N. 2, p. 217—228.—18. Postal P. M. Nový vývoj teorie transformační gramatiky. Slovo a slovesnost, 1965, N. 1, S. 1—13.—19. Miller G. A. The Psycholinguists. On The New Scientists of Language. Psycholinguistics 2-nd ed. Bloomington, 1965, p. 293—307.—20. Миллер Дж., Галантер Э., Прибрам К. Планы и структура поведения. М., 1965.—21. Miller G. A. Some Psychological Studies of Grammar. American Psychologist, 1962, v. 17, N. 11, p. 748—762.—22. Coleman E. B. Learning of Prose Written in Four Grammatical Transformations. Journal of Applied Psy-

chology, 1965, N. 49, p. 332—341.—23. Tannenbaum P. H., Evans R. R., Williams F. An Experiment in the Generation of Simple Sentence Structures. Journal of Communication, 1964, v. 14, N. 2, p. 113—117.—24. Clark H. H. Some Structural Properties of Simple Active and Passive Sentences. Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior, 1965, v. 4, N. 5, p. 365—379.—25. Yngve V. H. The Depth Hypothesis. Structure of Language and its Mathematical Aspects. Providence, 1961, p. 130—138.—26. Луцких И. М. Использование гипотезы Ингве о структуре фразы при изучении восприятия речи. Вопросы психологии, 1965, № 2, стр. 57—66.—27. Osgood C. E. On Understanding and Creating Sentences. American Psychologist, 1963, v. 18, N. 12, p. 735—751.—28. Hockett C. F. Grammar for the Hearer. Structure of Language and its Mathematical Aspects. Proc. of Symp. in Appl. Mathem. 12, New York, 1961, p. 220—236.—29. Průcha J. Contextual Constraints and the Choice of Semantic Lexical Units. Prague Studies in Mathematical Linguistics, 1966, N. 1, p. 93—104.—30. Liberman Ph. Some Effects of Semantic and Grammatical Context on the Production and Perception of Speech. Language and Speech, 1963, v. 6, pt. 3, p. 172—187.—31. Morton J. The Effects of Context on the Visual Duration Threshold for Words. The British Journal of Psychology, 1964, v. 55, pt. 2, p. 165—180.—32. Краус Дж., Прůча Я. Společenské komunikační procesy a sociologie. Sociologický časopis, 1965, N. 1, S. 684—691.—33. Greniewsky H. Elementy cybernetiky. Warszawa, 1959.—34. Carroll J. B. Vectors of Prose Style. Style in Language. N. Y.—L., 1960, p. 283—292.—35. Fischer H. Entwicklung und Beurteilung des Stils. Mathematik und Dichtung. München, 1965, S. 171—183.—36. Bauman Z. Zarys socjologii. Warszawa, 1963.

советуем познакомиться?

Это новое учебное пособие интересно тем, что оно не только помогает иностранцам овладеть богатыми лексическими и грамматическими средствами русского языка, но и знакомит зарубежных друзей с русской классической и современной литературой, русской песенной культурой. Предлагаемые авторами тексты представляют собой неадаптированные отрывки из наиболее известных произведений классиков нашей литературы — А. Пушкина, Л. Толстого, Ф. Достоевского, А. Чехова, М. Горького, М. Шолохова, В. Маяковского, современных писателей и поэтов — С. Антонова, В. Пановой, В. Пескова, Л. Мар-

Л. А. Дерibas, В. Г. Лобанова. Учебное пособие по русскому языку для иностранцев. Тексты для чтения, материалы для разговорной практики, фонетические упражнения. М., изд-во „Просвещение“, 1967

тынова, Д. Кедрина, Е. Евтушенко, Р. Рождественского и др. Пособие включает также тексты популярных русских песен.

Оригинальные художественные тексты, представленные в пособии, без труда будут прочитаны теми, кто уже имеет начальную подготовку по русскому языку. Серия разнообразных упражнений — речевых, грамматических, лексических, а также дополнительный материал для разговорной практики дадут возможность лицам, желающим совершенствовать свои знания в русском языке, активно

усвоить наиболее употребительную лексику, фразеологию, грамматические конструкции, характерные для современного русского языка.

Пособие содержит и фонетические упражнения, составленные И. Д. Самойловой на основе учебных пособий по фонетике для иностранцев. Упражнения будут полезны тем, кто хочет улучшить произношение отдельных звуков, усвоить мелодику русской речи.

Мы надеемся, что это пособие привлечет внимание наших зарубежных коллег.